

Анатолий Домбровский
РЗ-ПАРА

Рассказ

Глюма — это имя девочки, нашей соседки. Почему такое странное? Потому что оно ненастоящее. Но отец и мать зовут ее Глюмой — им так нравится. И все в нашем поселке уже привыкли к этому и тоже зовут ее Глюмой. А что? По-моему, даже очень хорошо — Глюма. Ни у кого больше такого имени нет. А то у нас в классе, например, пять Сергеев и четыре Олежки. Разве это нормально? Всех приходится называть по фамилии, чтобы не вышло путаницы. Я думаю, что, наверное, есть где-нибудь такой класс, в котором все девочки — Светы, а все мальчишки — Игори. Скажете, не может такого быть? Вполне может. А Глюма, Глюмка — это имя только у одной девочки на земле, у нашей соседки. Жаль, конечно, что ненастоящее.

Теперь я отношусь к ней хорошо. А раньше злился, потому что мы с ней резонансные, или сокращенно РЗ-пара. В том, что мы РЗ-пара, нет ни чего плохого ни для меня, ни для нее. РЗ-усилителя у Глюмы и у меня пока нет, так что я могу спокойно думать о чем угодно и не бояться, что все мои мысли сразу же станут известны Глюме. Но когда я узнал, что мы с ней РЗ-пара, я сразу же разозлился. Ни для кого из моих знакомых ребят не нашлось в нашем поселке РЗ-пары. А для меня — пожалуйста! И даже не просто в поселке, но она еще и моя соседка, да к тому же девчонка. Другие еще будут искать свою РЗ-пару, волноваться, ждать. А у меня с самого начала все ясно: подключай РЗ-усилитель и обменивайся с Глюмой мыслями откуда угодно, когда угодно и сколько угодно.

Когда нас проверяли на резонансность, мне и Глюме психолог разрешил испробовать его усилитель. Едва я подключился к нему, Глюма принялась хохотать.

— Ты чего? — обиделся я и выключил усилитель.

— О какой чепухе ты думаешь!

— О какой? — спросил я с опаской.

— О каких-то ржавых «штукенциях»...

— О грузилах?! — догадался я. — Ты права, в самом деле, я думал о грузилах для удочек! — я передал усилитель Глюме. — А теперь ты включись. Может, я еще не так посмеюсь.

Глюма, прежде чем включить усилитель, задумалась, сделала строгое лицо. Но как только она щелкнула тумблером, я захихкал. У меня в голове в это время прозвучали две ее мысли, одна: «Хотя бы не подумать о какой-нибудь ерунде» и другая: «Чертова муха! Укусила за ногу!»

— Достаточно, сказал психолог и взял у Глюмы усилитель. — Когда младшему из вас исполнится восемнадцать... — он заглянул в журнал. — Впрочем, вы, оказывается, ровесники. Так вот: когда вам будет по восемнадцать, вы с обоюдного согласия сможете вступить в РЗ-связь. А пока... надо ждать четыре года. Вы свободны.

— Так тебе и надо, — сказал я Глюме, когда мы вышли из кабинета психолога. — Укусила тебя муха, да? Жалко, что мало!

— Эх, ты! — сказала Глюма. — Я никогда не вступлю с тобой в РЗ-связь.

— Не больно и хотелось, — ответил я. — Нужна мне эта связь!

С тех пор я стал злиться на Глюму за то, что мы с ней РЗ-пара. Некоторые вступают в РЗ-связь с профессорами, с академиками, с космонавтами. Или с какими-нибудь иностранцами — сразу начинают говорить на их языке. А у меня РЗ-пара — Глюмка, девчонка. Не повезло!

Все это случилось летом. А теперь уже зима, люди ходят в сапогах. Я тоже ходил в сапогах до тех пор, пока один сапог — с правой ноги — не исчез. Его кто-то утащил из сеней. Я даже догадываюсь кто. Но от этого пользы мало, потому что вор никогда не скажет, куда он спрятал мой сапог. Этот вор не умеет говорить — он Барбос, наш пес. В тот вечер шел снег, Барбос уволок сапог куда-то, где его припорошило снегом — вот и весь рассказ. Теперь надо ждать, когда снег растает. Но тогда сапоги уже не будут нужны.

Оставшийся сапог — с левой ноги — мама забросила на антресоли. Там он и лежал бы до сих пор, если бы не случай, о котором я хочу рассказать.

Было тридцать первое декабря, канун нового года. За обедом мама сказала мне:

— Вечером ты должен сходить к Глюме, поздравить ее с наступающим Новым годом и что-нибудь подарить.

— Зачем это? — удивился я. — Никогда раньше...

— Это было раньше, — повысила голос мама. — Теперь все будет иначе. К тому же вы с ней не только соседи, но и РЗ-пара.

— Ну и что?

— Как это — ну и что!

— Действительно, — поддержал ее отец. — Два сапога — пара... Считай, что тебе повезло. Я за всю свою жизнь так и не нашел себе... Ладно, ладно, — последние слова уже были сказаны не мне, а маме, которая бросила на отца строгий взгляд. — Два сапога — пара, — засмеялся отец.

Я начал было думать о своем сапоге с правой ноги, про Барбоса, про сапог с левой ноги, но мама тут же прервала мои мысли.

— Подумай, что ты подаришь Глюме, — продолжала она. — Только не ерунду какую-нибудь, а настоящий подарок — книгу интересную или коробку конфет, можешь деньги взять в буфете, сколько надо. Напиши на открытке поздравление. Но чтоб грамотно, дашь мне проверить...

— Ладно, — сказал я. А что я мог еще сказать?

— И не пытайся обмануть меня, — закончила разговор мама.

— Действительно! — погрозил мне на всякий случай пальцем отец.

Сначала я решил подарить Глюме «Путешествия Лемюэля Гулливера» и пакет конфет. Мама одобрила мое решение. Поздравительную открытку пришлось писать дважды, потому что первое слово «новый» я написал с ошибкой — букву «ы» пропустил — и, как сказала мама, плохо выразился в конце. А в конце у меня были такие слова: «и хорошо учиться на радость папе и маме». В следующей открытке я поставил точку после слова «учиться».

Но ни книгу, ни конфеты, ни открытку с новогодними пожеланиями сразу я Глюме не подарил. Сначала я ей подарил мой сапог с левой ноги. Теперь я вздыхаю, а тогда мне казалось, что моя затея — верх остроумия.

Книгу и конфеты я оставил на антресолях, завернул в несколько газет сапог и отправился с ним к Глюме. Вечер был очень красивый. Бело кругом, снег сверкает под луной, во всех домах ярко светятся окна, со стороны катка доносятся музыка, смех. Орбитальная космическая станция включила разноцветные прожекторы и пронеслась по небу, как елочная игрушка...

Я вышел за ворота и вдруг услышал голос Глюмы:

— Я сейчас выйду!

— Ладно, — ответил я и остановился, как вкопанный: ведь Глюмы нигде поблизости не было!

«Фуф! — вздохнул я. — Померещилось.» Поковырял пальцем в ухе и пошел дальше.

До дома Глюмы было всего шагов тридцать. Не прошел я и половины пути, как снова услышал голос Глюмы:

— Подожди у ворот, я сейчас выйду.

— Так, — сказал я сам себе, ощутив, как под кожей по спине побежали во все стороны мурашки. — Надо вернуться. Наверное, я с левой ноги переступил пирог.

— Ты веришь в приметы? — спросил голос Глюмы.

Я повернулся и побежал. Осторожно, чтобы не хлопнула дверь, вошел в сени, постоял с полминуты, перешагнул порог с правой ноги и снова направился к дому Глюмы. Но она ждала меня уже у наших ворот.

— Ну! — сказала Глюма, когда я подошел к ней. — Давай твой подарок!

Я протянул ей сверток. Она взяла его, сунула себе под мышку и снова сказала:

— Ну?

— Что — ну? — не понял я.

— Зачем мне твой сапог с левой ноги? — Глюма коснулась холодными пальцами моего лба.

— Откуда ты знаешь? — оторопел я.

Глюма засмеялась. Пока она смеялась, я смотрел себе под ноги. А когда поднял глаза, Глюмы передо мной не было. На снегу в двух шагах от меня лежал сверток с моим глупым подарком.

«Может быть, я уронил его, когда бегал домой?» — подумал я, потому что ничего другого подумать не мог — боялся.

— Может быть, — сказала Глюма.

Я резко обернулся. Она стояла у меня за спиной.

— Чего это ты, действительно... — начал было я. Но она сказала:

— Тс-с-с! — прижала палец к губам и кивнула головой — дескать, оглянись.

Я оглянулся и увидел бегущего к нам барбоса. Барбос остановился около свертка, завилял хвостом и взглянул на меня вопросительно.

— Бери, — сказала ему Глюма.

Барбос взвизгнул от радости, схватил сверток в зубы и умчался.

— Он отнесет его к другому сапогу, — объяснила Глюма. — А весной, когда растает снег, ты найдешь оба сапога вместе. Правда, хорошо?

— Хорошо, — согласился я. — Как все это получается?

— Сама не знаю, — пожала плечами Глюма. — Наверное, мы с тобой ТРЗ-пара.

— Телепатическая резонансная пара?! Но ведь ученые давно установили, что такого не бывает! — удивился я.

— Я тоже читала об этом. Что же теперь делать?

— Да, что же теперь делать?

— Принеси «Путешествия Лемюзля Гулливера» и конфеты, — вздохнула Глюма. — А то тебе от мамы влетит. — Сейчас! — и я помчался за подарком.

Потом мы, наверное, целый часа сидели с Глюмой у нее дома и молча разговаривали друг с другом. Прежде всего мы поклялись, что никому не расскажем о нашей тайне. Ведь она открывала перед нами удивительные возможности: мы решили что теперь будем мысленно подсказывать друг другу, когда кого-нибудь из нас вызовут к доске, будем болтать молча все уроки напролет, прямо из учебника передавать ответы на любые вопросы учителей на уроках и на экзаменах. Можно будет читать друг другу книжки, находясь одновременно в разных местах, мгновенно сообщать всякие новости... Мы просто сгорали от нетерпения испытать все это на деле.

Дома я долго не мог уснуть — все думал о случившемся. Не спала и Глюма. Мы продолжали с ней обмениваться мыслями. Ровно в двенадцать ночи Глюма

сказала мне: «С Новым годом!». Я ответил ей. И на этом ТРЗ-связь прервалась. Возобновить ее нам не удалось ни на завтра, ни в последующие дни. Мы испробовали все, но наши старания были напрасны. Нас это очень огорчило. И чтобы хоть как-то восполнить утраченную нами ТРЗ-связь, мы стали часто видеться с Глюмой, читать вместе книги, готовить уроки. Мы уже научились угадывать желания и мысли друг друга. Без ТРЗ-связи.

И все-таки мы ждем, что в следующую новогоднюю ночь связь снова появится. И если это произойдет, мы сделаем кое-что интересное... И еще мы решили, что непременно приобретем РЗ-усилители, когда нам исполнится по восемнадцать...

А о сапогах я не беспокоюсь. Никуда они не денутся. Найдутся, как только растает снег. Думаю, что это произойдет в марте.

1970 г.

Брега Тавриды 2009 04, с. 234–239